

* * *

Куротный облик Валаама
 Меня смутил. Здесь где-то скит
 Среди речфлотского бедлама
 В далеких пустошах сопит,
 Живет один монах ретивый,
 Возносит Богу словеса,
 Там неземные бродят дивы,
 И слышатся их голоса.
 На набережной гром вокзальный,
 Здесь властвует турист, ему
 Надвое бабушка сказала:
 Умрешь в воде или в дыму
 Закончишь путь. Вот он и бьется
 Суровой мыслью – где же край!
 Понять никак не удастся,
 Господь, решил карать – карай!
 Цветет волшебная природы,
 Здесь Александр и Константин
 В духовности не зная брода,
 Под сенью пасмурных куртин
 Отметились. А нынче Вася
 И Маша ходят, с ними гид.
 Идет по затверженной трассе.
 Но где-то все же дышит скит.

* * *

Лежал один после кончины,
 Когда запах, взломали дверь,
 И незнакомые мужчины
 Похоронили. И теперь
 Мы можем рассмотреть
 бесстрашно,
 Каков же был его конец,
 Судить об этом можно разное,
 Наверно, множество сердец
 Потрясены его уходом,

А может быть, лишь пять

иль шесть,
 Любимцем не был он, да что там,
 Но плачущие все же есть.
 В огромном мире, на Тянь-Шане,
 Или в Германии-стране,
 Кто скажет слово на прощанье,
 Кто будет с веком наравне
 Судить его. Поэт Киктенко
 Ушел от нас, где его путь
 После земного лёг застенка,
 Боюсь, что вечности на грудь
 Не пал он полноправным братом,
 Но слово странное сказал.
 Один, не самый яркий атом
 На очень маленький вокзал
 Явился он перед отъездом,
 И взял плацкартный свой билет.
 Отправился к открытым безднам,
 И все, и с нами его нет.

* * *

Когда возникнет потребность
 в утреннем бризе,
 Хочешь проснуться на речке,
 выпадающей в море,
 Вот предложенье Речфлота
 о малом круизе,
 Все, о чем думал, получишь
 конечно и вскоре.

Выбери точку на карте с крестом
 православным,
 сколько в душе накопилось
 досадного хлама,
 время заняться душою, то бишь,
 самым главным,

цель путешествия –
архипелаг Валаама.

Мы поплывем, окунаясь
в ужасные шлюзы,
Тихо минуем жилье распиаренной
мышы,

Есть в этом плаванье и
несомненные плюсы,
Но атрофируются икроножные
мышцы.

Сколько воды, подошло бы
немалому морю,
Славная Ладога, бодро дыша
океаном,

Ты помогаешь немного
старинному горю
Стихнуть в пространстве твоём
осиянном.

Мы приближаемся пахнет тоской
и туризмом,
Давка, приплывшие можно
несутся за гидом,
Все же не место здесь пасмурным
укоризнам,
Вправе любой насладиться
божественным видом.

В кафе уютном на Арбате,
За чашкой кофе и печеньем,
Три дамы в очень стильных
платьях,

Отчасти, может быть, вечерних,
в час августовского брожения –
Одна, наверно, в положенье –

сидели и вели беседу,
по сторонам смеясь смотрели,
и ни Озирису, ни Сету,
очаровательные трели
не попадали, видно, в уши,
и невесомые их души

в приятной толчее Арбатской,
а, может быть, на Пикадилли,
не знали о геенне адской,
над ними трубы не трубили,
и конных всадников шеренги
не строились. А только гренки

на сахарных зубах хрустели.
В ночь вечер переходит бодро,
И вольно думать о постели
Любовной, сладострастья морда,
Смеясь, рисуется во мраке.
Одна же думала о браке.

Цивилизации картина,
Столичной улицы рисунок,
Не помня ни отца, ни сына,
Банкноты достают из сумок.
И невиновны они. В массе,
Что гром грохочет на Донбассе.

Я столько раз задумывался о том,
Как я вернусь к родным пенатам,
Со временем желанье не прошло,
Но слишком много мест,
куда я на дом

Могу вернуться, нет одной такой
Деревни, и поселка тоже нету,
Куда бы я вернулся на покой,
Устав тревожно колесить по свету.

Что хочешь выбирать,
ну хоть Тянь-Шань,
Предгорья поросли тотальным
маком,

Покоя снеговых не нарушай
Вершин. Не балуйся с рогатым
яком.

А хочешь Неман выбери. Туман
Висит над осушаемым болотом,
Ты здесь какой-то поневоле пан,
А бегал босоногим обормотом.

Всего трудней поехать в Харьков
мне,
Я там родился, но боюсь

пристрелят,
Так получилось, родина в огне
А я вдали, один. Тоскливо мелят

Специалисты воду на крови,
А я молчу не в силах разродиться
Возвышенным сонетом о любви
К отчизне. Ну, а это не годится.

Как хорошо теперь в Крыму-то,
Не нужно паспортов и виз,
Стоит на набережной чудо,
Отдохновенный Симеиз.

Как он прохладен, как он лаком,
Красив как каменный венок.
С горы спускаясь шаг за шагом,
На пляж нисходят сотни ног.

Жара с ума нас тихо сводит,
Вино в крови, еда во рту,
И ничего не происходит,
И отдыхающих орду

Ты постепенно ненавидеть
Начнешь. Весь пляж стоймя
Стоит и это надо видеть
И с самого утра с двумя

Детьми в налипшей сладкой вате,
С женой одышливой как кит
К воде прорвешься на закате,
Если она не закипит.

Но тут ударит ливень страшный,
Рванет все мясо с пляжа вон,
Брань станет вдруг многоэтажной,
Несущейся со всех сторон.

А вечером в кафе дымящем,
Шашлык горелый заказав,
Об отдыхе о настоящем
Мечтаешь, прикрыв глаза.

Некоторые выбегают прямо
к морю,
Если тяжело, противно,
невыносимо,
Оно поможет почти любому горю,
И не важно, весны на улице, зимы.

Кому-то необходимы женские
плечи,
Нет ничего прочнее и
стойчивей их.
Женщина понимает тебя, значит
и лечит,
Не только тебя, вас двоих.

Кому-то нужен город, кому-то
деревня,
Один предпочитает водку, другой
голодать.
Один молчит, другой рыдает рев-
мя,
И все это называется словом –
страдать!

«Ты взвешен и найден легким»,
И это при всех тягостях жизни,
При больном сердце
и сомнительном легком,
И годах моей службы отчизне.
Итак, значит, я ничего не вешу?
Подразумевается вес судьбы
на исходе,
А я себя убедительно тешу
Мыслью о собственном весе хоть и
Не самом большом в своем
поколении
Пишущих прозу и даже сценарии.

Вот и в этом своем стихотворении
Вспоминаю о семинарии
Литературной нашей старинной,
И как по жизни потом лавировали,
Которая оказалась длинной,
И как дружили,
и как конкурировали.
Легким найдено всё поколение.
Никто на войне... умирали от ядов
Винных. Жизнь наша – тление,
В конце которой пламень адов.

Опять начинаю свое ремесло
Всерьез проповедывать детям.
Беру семинарское в руки весло,
Авось, мы куда-то приедем.

Толкаемся, нас положительный
бриз
Тихонько несет на стремнину,
С волнами волнений упорно
борись,
Уверенность нам не по чину.

Мы все в одной лодке,
и вот перекат,
С упорством достойным награды,
Мы правим туда, где крушенья
кипят,
Где нам, ну несколько не рады.

Как кошка, что выводок
новых котят
Приводит к хозяйскому дому,
Веду семинар свой сомненьем
объят,
Не мог поступить по-другому.

Хоть знаю, детей ждет
суровый судья,
И большую часть он утопит,
И в том виноват буду все-таки я,
Да будет мой промысел пропит!

Одной повезет и другому
чуть-чуть,
Они подрастут нам на смену,
И будет тяжел и извилист их путь,
Заплатят огромную цену.

За горькое право быть
просто собой,
Сказать, что служить не изволишь.
Всю жизнь со своею ты споришь
судьбой,
Поэтом считаюсь всего лишь.

Что хочешь рассказать,
то Расскажи,
А хочешь улететь, так улетай!
А ты стоишь, и падаешь. Души
Не задеваешь. Хочешь таять – тай!
Ты просто снег, а за тобой дома,
А за домами кое где дымы,
В одном доме сейчас едят долма,
В другом сидим сейчас
понурия мы.
Расставшиеся, но не до конца,
Сошедшие с ума, но не совсем.
Раз нет долма, так выпьем мы
винца,
Уходит жизнь, решительно,
со всем
Что ей принадлежало каждый
день,
Чего-то жалко, а чего-то нет.
Молчи, и темы главной не задень,
Хотя ее меж нами уже нет!

Я жил долго в краю, где леса
Помнят дым партизанских
костров,
Там была Польша за границей, за
Каналом. Залитый водою ров,
Нам служил для плаванья и забав.
Там черникой был полон лес.
Я бродил там урок проспав,
Или в класс сквозь окошко лез.
Толстый физик вещал нам про
Авогадро, и абсолютный ноль,
Оборудование в классе старо,
Даже старше немецких пуль
И штыков, и касок с дырой во лбу,
Мы патроны жарили на костре
Лес трещал от разрывов,
мы ту пальбу
Долго переживали, к горе
Головами лежа, ногами вниз
По холму. Одному не свезло,
Как сегодня помню надсадный
визг

Раздробило напрочь ему весло.
Наших касок с дырой было
три к одной,
Правду вещал нам Клаузевиц,
Мы наступали сплошной стеной,
Здесь лег взвод боевых девиц
А я пишу сегодня, сию
Воображенье в кулак собрав,
Хоть понятно тут и ежу,
Я не имею на это прав.

Оказавшись в музее не таращ
свои очи,
Хотя то, что показывают нельзя
показывать к ночи.
Да, человек был убит сталинистом
в Европе.
Шутит работник, что найден был
мальчик «в укропе».
Мальчик с детства был
несомненный Рахметов,
Стоял в холодной воде, ложился
спать не обедав,
Сын священника и мамыши
свидомой,
Вырос в отца и пошел дорожкой
знакомой.
Рано себя показал он и парнем
суровым,
В каждом споре стоял на своем,
упирался рогом.
Экскурсовод убежден, что ты
обалдел и в восторге
В этом музее, хотя здесь и пахнет
как в морге.
Трупов тут куча, словно в могиле
братской,
Слева повешен москалик, справа
министр Перацкий,
Всюду трезубы, факела и
фотографии пляски,
Рядышком на стеллажах рушники,
пробитые каски,
Эта страна, назовем ее просто
Канада,
Здесь не гремела последней войны
канонада.
Райская, тихая, образец
процветающей терры,
И приютила у себя этот музейчик
Бандеры.

ЖАРКИЙ ДЕНЬ В ПЕТЕРГОФЕ

Покачав на волне,
Оставляет Нева наше судно.
К Петербургу вовне
Оказались мы вновь в это утро.
Впереди Петергоф,
Там обещан рекламной фонтан нам,
Блещет золото веков
В месте данном.
Привезенная морем большая толпа
Осаждает ограду и кассу,
Пот стекает со лба
И бежит по анфасу.

Тех, кто хочет проверить каков
Гений был наших заповедов,
Строят в толпы. Врагов
Гонят так, мы блуждаем здесь
не пообедав.
Солнце бьет по глазам
Отразившись от каждой
скульптуры.
Петр Первый здесь сам
Основатель был нашей российской
культуры.
Здесь природа тиха как наяда,
Роль стихии играем мы все,
Чтоб сыскать здесь себя,
недостаточно Скотланд Ярда.
Здесь народ к колбасе
Приравняли и это не злость
на систему,
И поклеп на страну,
Я в Израиле ту же разматывал тему
У стены, антр ну.

* * *

Вот вчера меня презентовали,
Собралось полсотенки гостей,
Говорили мило, трали-вали,
О себе я много новостей
Услыхал. Что добрый и хороший,
Что с меня берут порой пример,
И никто: что, мол, не вышел рожей,
Ровно в человеческого размер
Я укладываюсь. Никакой печали
Сверхъестественной я не агент,
Что уместно я смотрюсь в печати,
Но пока что слов про монумент
Не расслышал я. А после пили,
Дружеской риторикой цвели.
Жалко, что скончался ты,
Вергилий,
и Артем с Белаем не пришли.

* * *

Название экзотичное – Пицунда,
Вот море отдыхает после бунта,
И чайки с осторожностью садятся
На волны. Муть успела отстояться,
Мы снова созерцаем это дно
Склонившись за борт.
Так заведено,
Что после шторма – тихая погода,
Нас убажывает чуть ли не полгода.

Мы здесь с компанией поэтов
и поэток
На семинаре, не соврать мне, этак
Году в восьмидесятом иль позднее,
Как бы в лицее, где нас по идее
Должны учить писать большие
дяди.

Вместо того, чтоб заполнять
тетради
Заметками о том, что вал верлибра
К нам катится от Темзы
и от Тибра,
Мы «Лыхны» пьем и все другие
вина,
Чем славится абхазская долина.
Всё далеко: все войны и Союза
Распад не предвкусает
наша муза.
О чем-то пишем и о чем-то спорим,
И будущее отшумевшим морем
Нам кажется, хотя скорей удавом
Его назвал бы я. К его забавам:
Попойкам, книжкам, сволочам
и бабам
Привыкнем. Скуку матом кроем,
И плаваем, как бы специально,
кролем.

* * *

Полутропический прикид,
Вдоль Волги тянется Саратов.
Нам говорит гундосый гид,
Что здесь угодья демократов.
С дней Чернышевского досель,
Радищев и другие твари
Варили хлипкий свой кисель
И им отлично торговали.
Но над словесной ерундой,
Как бы шагнув из древней глыбы
Стоит с почтенной бородой
В мундире бронзовом Столыпин.
У ног его шипят умы,
Играют в игры демократы,
И Чернышевский из тюрьмы
Глядит, навек подслеповатый.
А нынешний рабочий класс
Не верит в то, что он бездарен,
И впереди огромных масс
Шагает каменный Гагарин.

* * *

Расстаться год не хочет с летом,
Циклон, потом опять циклон,
Устали мы болтать об этом,
И каждый день как будто клон
Дня что любил нас накануне:
Тепло, безветрие. Дождя
Намека нет, ну как в июне,
Или немного погоды.
И замечаешь ненароком,
Погодный фокус утомил,
Год может упираться рогом,
Октябрь июльский нам не мил.
А хочется росы холодной,
Грибного духа, влажных чащ,
Порядок, чтобы вновь природный

Настал, одежда чтобы – плащ!
Что высший смысл в известной
смене

Сезонов, смене лет и зим,
Об этом пишет даже Ленин,
И как не согласиться с ним.

ТУРНИР «ПУШКИН В БРИТАНИИ»

Собрание туманов и ветров,
Под нами остров и громадный
город.

Аэропорт зовется здесь Хитров.
Ну, вышли, холодок ползет
за ворот.

Вот едем и отнюдь не на такси,
Оно здесь дорого, к услугам
нашим поезд.

Да, в общем, все почти
как на Руси.
Я начинаю рыцарскую повесть.

Со всей Земли, поэты разных мест,
Из самой затрапезнейшей
избушки,

В июне мы устроили наш съезд.
Да, всех собрал нас
Александр Пушкин.

Мы проведем роскошнейший
турнир,
Как рыцари в года Средневековья,
Потом устроим напоследок пир,

Платить мы будем рифмой,
а не кровью.
Так было много раз.

На Чарринг-Кросс,
В других местах, почти
на Пикадилли,

Мы поднимались гордо в полный
рост,
И к микрофону с блеском
выходили.

Прошли года, и нынче не в чести,
И имя Пушкина, и сам язык наш
право.

Идет война, ты Господи прости,
И нынешние рифмы все кровавы.

* * *

Добровольный участник державы,
Я давно не люблю Окуджавы,
Его песенка дряблый мотив.
То ли дело Высоцкий Владимир,
В моем сердце доселе не вымер,
Хоть порою и слишком ретив.

Разлюбил я и Гребенщикова,
Не рождает он никакого
В моем сердце сочувствия. Ноль!
И Шевчук, что над речкою Белой,
Так мне нравился, парень был
смелый,
А теперь мне противен, уволь.

Тех, кто меньше вообще
не считаю,
Лишь «Агату» предпочитаю,
На тебе, стало быть, на войне.
Ну, еще может быть «Наутилус»
Заслужил, может быть,
нашу милость
С речкой Белою наравне.

Что хотите ребята, то пойте,
Совесть нации беспокойте,
Только не на свой власовский лад,
Наш народ, он ведь чуток
предельно,
Пусть залил свои вечные бельма,
Только слышит сильнее стократ.

Слово Божье, не Верка Сердючка,
И не Вайкуле, мерзкая штучка,
Прозвучит и разбудит народ.
От Москвы и до Сахалина,
Раздается напев исполина,
А припев грянет наоборот.